

В отличие от развернутого жития Феодосия рассказы о «черноризцах печерских» избегают «цветистой», «патетической» фразеологии, не применяют к своим героям «празднично-торжественных эпитетов». Обработывая старинные предания, Симон и Поликарп снабдили многие из них нравоучительными предисловиями — обращениями к адресату, подчеркнули смысл отдельных эпизодов ссылками — цитатами из авторитетных источников, но самой стилистикой рассказа не превращали его в чувствительно-панегирическое повествование даже в тех случаях, когда герой изображался как «воплощение святости» на всем своем жизненном пути. Лишь в описании самоистязаний подвижника или мучений, каким подвергают его враги, допускается гиперболизм, лирически звучат молитвы святых (например, молитва Феофила) или плач Петра «сурянина» в рассказе о князе Николe Святоше (стр. 5).⁴² Обычно рассказ о событиях ведется в неторопливом сказовом темпе, короткими предложениями, с подробностями, придающими повествованию почти зрительную наглядность. Например, наказанный внезапной смертью Евагрий сразу так закаменел, что ему не могли «ни руки протягнуть, ни уст свести», и пришлось похоронить его «отверсте имый уста и очи и руце растяжене» (стр. 89). Когда умер «скверно» живший монах, пошел такой «смерд», что монахи стояли при погребении «заимыше ноздри своя» (стр. 77). Никону, попавшему в плен, подрезали «лыста», чтобы он не мог бежать, но он чудом был перенесен в Печерский монастырь, «еще крови каплюючи от пререзания лыстов» (стр. 80). Исакий «печерник» в «мрази лютии» шел в церковь «в плесницах раздраных», так что «многожды примерзаху нозе его к камени» (стр. 130). Подобными деталями рассказчики стремятся придать достоверность своему повествованию. Той же цели служат упоминания исторических лиц и событий, ссылки на «самовидцев» описываемых случаев из жизни подвижников. Выразительный диалог, сохраняющий часто интонации живой речи,⁴³ бытовая лексика, пронизывающая и авторскую речь и реплики действующих лиц,⁴⁴ — все это уводит изложение от канонической «агиографической» стилистики и сближает его не случайно с летописной прозой. Несомненно значительная часть рассказов Киево-Печерского патерика первое литературное оформление получила при включении в Печерскую летопись, откуда они пошли и в Повесть временных лет, и в не дошедшее до нас житие Антония, и к авторам, обработки которых включены были в Киево-Печерский патерик. Навыки печерских летописцев наложили отпечаток и на их агиографические труды.⁴⁵

«Агиографичность» печерских рассказов сосредоточена в описаниях «чудес» — видений, исцелений, предсказаний, в сценах посрамления искушающих святого бесов. Однако отмеченная Пушкиным «прелесть простоты и вымысла» выразилась и в особом характере религиозно окрашен-

⁴² Оба эти эпизода, по-видимому, вставлены уже в XIII в. при обработке первоначальных преданий.

⁴³ Например, диалог Григория чудотворца с ворами: «Ты же, отче, аще даси что, то и сий не умреть», — говорят воры, обманно стремясь получить книги от инока. — «И аз дам, а сий умреть», — отвечает Григорий и спрашивает: «Коею смертию осужен еси?». — «На древе повешен хоще быти». — «Добре судите ему. Заутра бо сий повесится» и т. д. (стр. 97—98).

⁴⁴ Например, сусек, жито, воз, плот, извозник, устие печи, свита (рядом риза), по воду пошел, в приполье, дрова секый, тесто мяся и т. п., пословичное определение хлеба из лебеды: «На неоранней земли ненасеяна пища» (стр. 107).

⁴⁵ Ср., например, известное описание русских в плену у половцев, читающееся в Начальной летописи под 1093 г., с рассказом о том, как мучили в плену Евстратия: «За три лета по вся дньи озлобляемь и вяжем, на огни пометаемь, ножи разрезаемь, окованне имый руце и нозе, на солнце пребываа жгом, от глада и жажды скончаемь» (стр. 80).